

НАДО НАУЧИТЬСЯ НЕНАВИДЕТЬ СЕБЯ В ЗЕРКАЛЕ, считает Михаил Барышников

«ЛИБЕРАСЬОН», ПАРИЖ.

ЭТОТ уроженец Риги и выпускник Вагановского училища давно не нуждается в представлении. Легендарный солист Кировского балета Михаил Барышников выступал на его сцене с 1968 по 1974 год. Потом переехал на Запад, где начал новую карьеру, принесшую ему звание первого танцовщика труппы «Нью-Йорк сити балле», а затем, с 1980 по 1989 год — пост художественного руководителя труппы «Американ балле тиэтр».

В 1990 году Барышников вместе с хореографом Марком Моррисом организовал собственную компанию «Белый дуб», которую ожидал немедленный бурный успех. Нынешний Миша, которому

ни за что на свете не дашь его 49 лет, ничуть не утратил той лукавости во взоре, выдающей в нем вечного игрока. Страхнув капли дождя, заставшего нас возле Парижской оперы, мы юркнули в тихий бар «Гранд-отеля» и заговорили о последних спектаклях Форсайта, а затем о его собственной «легковесной» компании (10 танцовщиков, 5 музыкантов, 2 администратора и крохотная конторка на Манхэттене), ограничившей репертуар лишь современным американским танцем. Труппа эта, пожалуй, единственная в своем роде, существующая исключительно на собственные средства.

— Когда мы с Марком Моррисом организовывали труппу, нам хотелось создать такую, которая бы исполняла произведения не одного хореографа, а практиче-

ски весь американский репертуар. Мы мечтали о том, чтобы люди, которые никогда не пойдут на спектакль Люсинды Чайлдз или Триши Браун, увидели за вечер у нас произведения многих хореографов. Чтобы поняли: современный танец может быть и классическим, и развлекательным. Мы собрали у себя настоящий цвет американского балета. Например, пригласили Кейт Джонсон и других учеников Марты Грэхем и Мерса Каннингхэма, которые с восторгом согласились работать с Марком, первые два года ставившим у нас спектакли. Сегодня мы по-прежнему стараемся казаться не слишком занудными, стремясь выразить всю красоту и разнообразие американского балета. Хотя традиция эта и молода, но в чистоте и серьезности намерений ей не откажешь. Мы задействовали своего рода цепочку выдающихся хореографов, каждый из которых когда-то был учеником другого великого мастера, пока таковым

не стал сам. В первый же день пребывания в Нью-Йорке я позвонил Туайле Тарп, потом связался с Ларсом Любовичем, Тэйлором, Каннингхэмом и Мартой Грэхем. Впоследствии они очень помогли мне, убедив посвятить себя современному танцу.

— Не задумывались ли вы над постановкой «Эль Пенитенте» Марты Грэхем?

— Да, думал, и не только об этой вещи, но и других не менее известных — «Весна в Аппалачах», «Полуночное путешествие», «Американский дневник», над которыми работал вместе с автором. В России ведь об этом совершенно ничего не знали. Лишь по книгам знали Айседору Дункан и Марту Грэхем, других «посттреческих» танцовщиц, выступавших босиком. Потом в Ленинград приехал Баланчин, а позже и Элвин Эйли, в раннем творчестве которого преобладали этнические мотивы...

— Почему из всех молодых и талантливых хореографов, с которыми вы работали, для создания своей компании вы выбрали именно Марка Морриса?

— Мне всегда нравились его постановки, и я часто приглашал Марка работать для труппы «Аме-

рикэн балле тиэтр». Многие его спектакли имели такой успех, что после нас их ставили и другие труппы. За внешней несерьезностью в Марке скрывался настоящий традиционалист, а его творчество всегда эмоционально и гуманно без ложной сентиментальности. Мне нравится его характер, общительный и открытый для друзей, какой бывает лишь у людей, искренне преданных театру и умеющих проникаться заботами и мыслями коллег. Я бы назвал его гуманистом, скрывающим за внешним пессимизмом то строгих, то раскованных постановок надежду на лучшее устройство мира. Отец выучил его нотной грамоте в 10 лет, и Марк всегда находит совершенно невероятную музыку, под которую на первый взгляд вообще танцевать невозможно. Если сегодня мы возобновляем одну из его постановок, он обязательно нам поможет. Так было и со спектаклем «Каноник 3/4 Стадиз», который мы покажем на летнем фестивале в Везон-ла-Ромен. Лично для меня Марк поставил пять сольных номеров, которые я часто исполнял, а недавно предложил еще два.

— Что еще вы покажете на фестивале?

— Я выбрал для него несколько легких спектаклей, которые можно играть на открытом воздухе, так как они не требуют громоздких декораций и сложного освещения. Такие вещи могут привлечь и молодежь. Мы покажем «Подобно дереву» чернокожего танцовщика Крейга Петерсона из труппы Марка Морриса, который уже шел в Париже. Я выступаю с двумя сольными номерами, «Чаконной» Хосе Лимона (на музыку Баха), поставленной хореографом в 1942 году во время войны. Это первый крупный сольный спектакль в американском балете. В первой части он очень медленный, очень личный, замкнутый на собственном внутреннем мире. Я никогда не видел, как исполнял его Хосе Лимон, но долго изучал его творчество по книгам и фильмам. Два года я проработал с его лучшей ученицей и впоследствии партнершей Сарой, показавшей мне каждое па. Этот танец — изумительный образец классики, посвященный нелегкому положению человека в этом мире, с его силой и ранимостью, наконец, с его способностью благода-

ря любви преодолевать любые препятствия.

— Кроме того, вы собираетесь показать «Перголези» Туайлы Тарп...

— В хореографии Тарп я чувствую себя буквально как дома. Обожаю ее эклектизм, ее буйное воображение. Источником вдохновения для нее может стать что угодно — походка полицейского или движения баскетболиста... Сила Тарп в том, что эти непосредственные порывы она умсет вплести в тонкую поэтическую структуру. Помимо врожденного чувства танца, она обладает даром умело пользоваться «великими цитатами». В некоторых сольных номерах, созданных ею для меня, можно найти заимствования из «Послеполуденного отдыха фавна», «Видения Розы» или «Жизели». «Перголези» она задумала как мой дуэт с отсутствующей партнершей. Это показалось мне забавным: танцевать с балериной, неожиданно ставшей невидимкой. К тому же это очень сложный спектакль, не дающий мне терять форму.

— Кстати, о «Фавне»... Вы уже навестили Кировский театр?

— Нет, я больше не ездил в Россию. Все некогда. Я бывал на спе-

ктаклях Кировского балета, когда два года назад он приезжал на гастроли, а в этом году услышал, что там появилось несколько очень ярких танцовщиц. Но в любом случае классический танец меня больше не интересует.

— Вы по-прежнему поддерживаете свои несколько патриархальные отношения с Мерсом Каннингхэмом?

— Он научил меня решительности и вере в себя. Сегодня его засыпают наградами, а ведь когда он работал с Джоном Кейджем, зрители освистывали его и улюлюкали вслед. Все, что я могу сделать для него, это представить его хореографию в самом прекрасном виде. По-другому я выразить свою признательность просто не могу. Хотя иногда бывают минуты, когда чувствуешь себя совершенно разбитым... Ведь танцовщик ведет ежедневную борьбу с собственным телом, с собственной серостью, надо научиться ненавидеть себя в зеркале и найти мужество ни в чем не давать себе спуску. И так всю жизнь... Кому-то это удастся, а кому-то нет...

За рублем, - 1997. - 29 авг. - 4 сент. - с. 14, 15